

УДК 17

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИКИ МЕНЕГЕТТИ В ИХ СВЯЗИ С НЕОТОМИЗМОМ: ПРОБЛЕМА ПОИСКА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ОНТОПСИХОЛОГИИ

Благовестный М. Б.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: pelennor@mail.ru

В статье поднимается проблема определения статуса онтопсихологического учения А. Менегетти в структуре философского знания. Поиск решения проблемы возможен, в частности, через историко-философский анализ онтопсихологической этики. Принимая во внимание биографические факты создателя онтопсихологии, а также мнения некоторых исследователей, выдвигается гипотеза, предполагающая существование общей теоретико-мировоззренческой основы онтопсихологического учения А. Менегетти и неотомистского направления в философии в вопросах этики. Рассматривается концепция зла как лишения бытия. Обнаруживается практически полное совпадение представлений о зле как недостатке бытия в исследуемых теориях. Рассматривается концепция «двойной морали» в онтопсихологии, разделяющей внешне-социальную и личностно-экзистенциальную сферы этики. Раскрывается схожесть этой концепции с представлениями об этике Ж. Маритена и рассуждениями о законах Э. Жильсона. В представлениях об этическом идеале А. Менегетти также обнаруживаются аналогии с неотомистами. Делается вывод о близости позиций онтопсихологии и неотомизма применительно к рассматриваемым этическим вопросам. Исследование этики онтопсихологического учения, в особенности исследование ее историко-философских корней, может быть частью более широкого исследования, призванного ответить на вопрос о месте онтопсихологии в структуре философского знания.

Ключевые слова: онтопсихология, этика А. Менегетти, этика неотомизма, концепция зла, концепция «двойной морали».

Определению места той или иной теоретической концепции в структуре философского знания должен предшествовать ее всесторонний историко-философский анализ. Утверждать новизну, значимость или, напротив, вторичность содержания философских идей невозможно без их соотнесения с философской традицией. Онтопсихологическая теория сегодня активно изучается и развивается психологами, в частности на кафедре онтопсихологии факультета психологии СПбГУ, но мало изучена с позиций философии.

Онтопсихология – теория, созданная итальянским ученым Антонио Менегетти, претендует как на особое место среди психологических дисциплин, так и на собственную философскую позицию. Эта позиция изложена Менегетти главным образом в работах «Основы философии», «Онтопсихологическая философия», «Онтологическое познание и сознание», «Интеллект и личность».

Мировоззренческие основания онтопсихологической концепции А. Менегетти сегодня находятся в области неопределенности с точки зрения их места в структуре философского знания. Например, Гай Сантибаньес Идальго (Guy Santibañez Hidalgo) из Чилийского университета настаивает на теологической основе онтопсихологического учения, которая, с его точки зрения, пронизана религиозным мировоззрением, выраженным с помощью языка психологии.

Из биографии Менегетти известно, что он получил классическое католическое образование, продолжительное время работал и преподавал в Университете св. Фомы Аквинского и, в общем, был буквально взращен католическим окружением. Закономерно, что христианская философия в общем и католицизм в частности оказали большое влияние на становление А. Менегетти как ученого, но в то же время сам он вовсе не причисляет себя к каким бы то ни было последователям христианской философской традиции. Однако тем большее значение имеет глубокое и последовательное изучение идейных основ, претендующее на дисциплинарную автономию онтопсихологической концепции. Научный статус онтопсихологии как направления в психологии также не является определенным и пока остается предметом споров.

Для психолога Менегетти нетипично много внимания уделял разработке философской основы, в том числе этической, для построения собственной теоретической концепции. Несмотря на тот факт, что онтопсихологию часто относят к гуманистическому направлению в психологии, ее философские основания, в том числе этические, пока не были подвержены полноценному анализу. Базовые этические представления А. Менегетти, предлагаемые к рассмотрению, изложены им в работах «Основы философии», «Онтопсихологическая философия», «Интеллект и личность» и «Этический критерий человека».

Предполагается, что они имеют общую мировоззренческую основу с католической теологической философией вообще и с этикой неотолизма в частности. В рамках данной статьи ставится задача сравнить, насколько близки этические представления Менегетти взглядам крупных представителей неотолизма Жака Маритена и Этьена Жильсона. Для этого проведем сравнительный анализ этических постулатов А. Менегетти и неотомистских философов Ж. Маритена и Э. Жильсона.

Поиск общего между онтопсихологической теорией и неотолизмом обоснован несколькими причинами. Во-первых, II Ватиканский Собор (1962–1965 гг.) ознаменовал новый гуманистический поворот в католическом мировоззрении. Такое значительное событие в католическом мире (это последний на сегодня собор, имеющий статус Вселенского для римского католичества) не могло не повлиять на молодого священника. Наиболее актуальные темы, поднятые на соборе, будут подробно разбираться им в будущих монографиях, составляющих философскую основу онтопсихологии. Во-вторых, несмотря на частые обращения и к античным философам, и к мыслителям Нового времени, Менегетти рассматривает философские вопросы, в том числе этические, сквозь призму дня сегодняшнего, акцентируя внимание на современных ему взглядах на те или иные вопросы. Таким

же образом действуют неомисты Маритен и Жильсон: имея общую для всего католичества философскую базу в виде наследия Фомы Аквинского, они пытаются интерпретировать его согласно духу своего времени.

Рассмотрим два ключевых положения этики А. Менегетти – онтология зла и представление о двух моралях, или о так называемой двойной морали.

Менегетти, говоря о природе зла, понимает его как явление, не имеющее субстанциальной основы. Он говорит об убывании бытия, лишенности онтологической почвы: « “Злом”, “виной”, “грехом”, “осквернением природы” и т. п. надлежит определять любую вещь, которая уменьшает бытие субъекта» [1, с. 166]. «Если хорошее действие увеличивает бытие и ведет по направлению к блаженству, то обратное действие ведет к непрерывным потерям, вплоть до возникновения сознания вечных мук, когда субъект обнаруживает в себе виновника ущерба и своих несчастий» [1, с. 167].

Природа зла интересует основателя онтопсихологии не столько сама по себе, сколько как возможность применить ее для описания человеческой личности – он сразу переходит от онтологии зла к психологии субъекта. Впрочем, для него вообще онтология и психология субъекта практически неотделимы друг от друга. Также можно с уверенностью утверждать, что онтологический базис здесь имеет ярко выраженные черты классической метафизики, вплоть до аристотелевского представления о ней. Подробнее о влиянии античной метафизики на труды А. Менегетти написано в моей статье «Античные истоки онтопсихологической философии» [2, с. 164].

Концепцию зла как лишенности бытия или блага в развернутом виде находим у Ансельма Кентерберийского в трактате «О падении дьявола» и практически в неизменном виде обнаруживаем у неомистов: «...все, что относится к сфере зла как такового, выражается в терминах небытия, ничто, уничтожения. Ибо зло как таковое – это лишенность, т. е. не просто отсутствие какого-то блага, не просто лакуна или какое-либо ничто, но отсутствие должного блага, недостаток или отсутствие формы требуемого бытия в данном бытии, и зло свободного акта – это лишенность регуляции и формы, искажающая и поражающая небытием осуществление свободы» [2, с. 57]. Так емко переформулирует схоластическую концепцию Ж. Маритен.

Если обратиться к размышлениям о зле другого крупного представителя неомизма, Э. Жильсона, находим следующее: «благо всякого сущего заключается в том, что является для него подходящим с точки зрения формы сущего, а зло – в том, что противоречит этой форме и, следовательно, стремится разрушить ее. Поскольку же форма человека – эта сама его разумная душа, можно считать хорошим всякий согласный с разумом акт, а плохим – всякий акт, противоречащий разуму» [4, с. 326]. В работах «Интеллект и личность» и «Онтопсихологическая философия» А. Менегетти мы обнаруживаем цепь рассуждений, из которых следует, что онто Ин-се (или душа [5, с. 53]) имеет две главные способности или «позиции» – интеллект и волю. Правильно реализуемый синтез этих способностей формирует «онтическое сознание», которое ведет к благу и истине, неправильный – к ошибкам, разрушению и злу. Онтическое сознание – это состояние личности,

позволяющее считать неискаженные сигналы или импульсы, исходящие от онто Ин-се как бытийной основы конкретного человека. Эта основа имеет трансцендентную божественную природу, а поскольку божественную, потому неискаженную, истинную.

Таким образом, понимание природы зла в этике Менегетти и в этике неотомизма очень близки, только онтопсихология по мере выстраивания этической составляющей стремится постепенно дистанцироваться от метафизических построений, чтобы перенестись в антропологическую и психологическую плоскость.

Моральная концепция А. Менегетти исходит из существования двух видов морали: социальной, выражающейся в виде внешних норм, правил, законов – «Все мы рождаемся в мире, в котором уже установлена мораль» [6, с. 28], и так называемой онтической, существующей как индивидуальная интуиция личности, которая вырабатывает собственную уникальную этическую парадигму в процессе совершения жизненных выборов. «Всякий раз, когда человек находится в той или иной экзистенциальной ситуации, единственное решение определяется онтическим сознанием, то есть истиной собственного бытия» [7, с. 62]. Онтическая этика имеет не социальную, а индивидуальную природу, исходящую из глубины субъекта, из онто Ин-се. Термин «онто Ин-се» в онтопсихологии с некоторыми оговорками идентичен понятию души. «Человек, распознавший собственное онто Ин-се и следующий его направлению, ошибиться не может» [6, с. 53]. Онтическая этика представляет собой индивидуальный вектор морально-нравственной ориентации, необязательно совпадающий с любой внешне-социальной ориентацией, а иногда и вступающий с ней в противоречие. Как и в случае с разъяснением природы зла, обнаруживается стремление связать этические с психологическим: « “Мораль” означает обычай и поэтому является модой, моделью, стереотипом, структурой поведения» [6, с. 33]; общие правила и нормы здесь стоят в одном ряду с индивидуально-психологическими явлениями. Отметим, что переходы от онтологии и этики к психологии в работах Менегетти носят скорее спонтанный характер, границы между ними не являются четко очерченными, но имеют весьма текучий, диффузный характер.

У Ж. Маритена аналогичным образом признается существование объективных норм морали. Однако он говорит о сложности отношений социального и индивидуально-человеческого, признавая в итоге существование другой этики, возвышающейся над общепринятыми нормами и правилами: «Однако во многих случаях <...> образующих ткань нашей моральной жизни, человек сталкивается с множеством вступающих в конфликт долженствований и многообразием правил, которые пересекаются друг с другом в конкретных обстоятельствах, так что встает проблема: что же я действительно должен делать?» [3, с. 36]. Выход кроется в глубине личности: «Именно тут ему следует прибегнуть к *regulae arbitrariare* практической мудрости, к тем правилам, которые не просто учитывают все объективные частные обстоятельства, но становятся решающими только с силу основных влечений субъекта (предположительно правильных) и склонностей его добродетелей» [3, с. 36]. Ж. Маритеном признается уникальность каждого

морального события, т. к. моральное событие является конфигурацией сложившихся обстоятельств и волевого выбора-действия субъекта в этих обстоятельствах.

Предельное основание этики – «мера даров Святого Духа выше, нежели мера моральных добродетелей, мера дара верного решения выше меры практической мудрости» [3, с. 37].

В рассуждениях о феномене закона Э. Жильсон в общем виде определяет его (закон) как «правило, которое предписывает или запрещает некоторое действие, т. е. правило деятельности», причем оно должно быть основано на требованиях разума. Это требование обязательно, иначе происходит подмена: неразумные правила, например приказы тирана, не могут стать законом на самом деле, ведь «там, где отсутствует разум, нет ни закона, ни справедливости, но одна только голая несправедливость» [4, с. 331]. То есть не все те правила, модели поведения и нормы морали, что присутствуют в обществе, могут именоваться законами в истинном значении этого понятия, согласно Э. Жильсону. Что касается истинных законов, отвечающих требованию разумности, то они являются частными случаями божественного закона. Первый закон, источник всех прочих законов, исходящий от Бога, именуется «вечным законом» [4, с. 332]. Человек как наделенное разумом существо «обязан знать, чего требует от него вечный закон, и сообразовываться с ним» [4, с. 332]. Понятие вечного закона у него тождественно понятию естественного закона, когда речь идет о человеке и человечестве. Далее, Э. Жильсон рассуждает о неизбежных противоречиях, возникающих между человеческими законами как общими правилами и частными повелениями сообразовывать уникальные поступки с требованиями вечного закона. Двойственность этики в философии Э. Жильсона заключается в понимании закона, который исходит от Бога, разумен и истинен, а несоответствующие этим критериям законы не могут являться таковыми, хоть и называются иногда тем же словом. Здесь мы видим не иерархию моральных императивов, а отношение истинности и ложности.

В «Онтопсихологической философии» А. Менегетти находим: «Бог запечатлел свой закон в сердце человека, то есть “написал сердце человека”, организовав его бытие, поэтому единственным законом человека является его собственное бытие». Используя две способности онто Ин-се (души) – интеллект и волю, человек либо сообразует свои мысли и действия с законом, «запечатленным» в его самости Богом, либо отклоняется от него. Тогда вполне понятно, почему для онтопсихологической этики «моральный императив – это автономия, понимаемая как безусловная верность собственной структуре» [7, с. 62]. Сравним с высказыванием Э. Жильсона: «первое предписание естественного закона, которому подчиняется человек, – утвердиться в своем бытии» [4, с. 333]. Верность собственной структуре и необходимость утвердиться в своем бытии означают примерно одно и то же: необходимость направлять волю, мысли и поступки, сообразуясь с собственной уникальностью (личностью), которая, в свою очередь, имеет божественную волю источником собственного существования. Это то же, что и имеющие божественный источник импульсы, которые «в каждом существе

направлены на то, чтобы привести его к собственной полноте» [3, с. 60]. Стремление к полноте бытия, к увеличению бытия, напомним, значит положительное движение к благу (в противоположность деструктивному движению к злу, понимаемому как уменьшение бытия, как стремление к лишенности бытия).

Таким образом, А. Менегетти и неотомистов Ж. Маритена и Э. Жильсона объединяет двойственное отношение к морали. Они признают двойственность морали, существующей в модусах внешне-социального и внутренне-экзистенциального. Более того, они видят один источник происхождения этой двойственности – отпадение от божественного закона или образца, происходящее в результате действия свободной воли человека.

Стоит указать на то обстоятельство, что на определенном уровне можно говорить о снятии противоречий между внешне-социальной моралью и внутренне-экзистенциальной. Для человека это происходит тогда, когда «его высшая и теперь уже в высшей степени свободная любовь к Богу и Единству заставляет его следовать закону, ставшему его собственным законом, ставшему его личностным призывом, доносящим до него слово Того, кого он любит, – закону, по отношению к которому он является уже не Я, подлежащим отождествлению со всяким человеком, а самим этим человеком, тем человеком, названным его именем, к кому обращен этот закон, в его полном одиночестве перед Богом» [3, с. 40]. Противоречие между внешне-социальным и внутренне-экзистенциальным конечно вовсе не снимается с объективной точки зрения, но оно преодолевается с точки зрения внутренней жизни субъекта, осуществляющего уже интуитивно-мистическое разрешение любых этических противоречий. Это движение свободной личности, приобретающей «дары Святого Духа», более подробно разъясняется через представления о «преодолимых» и «непреодолимых» божественных побуждениях. Здесь мы не будем воспроизводить всю этическую метафизику Ж. Маритена, но сразу перейдем к ее выводу о том, что человек, свободно воспринимая или не преодолевая сначала преодолимое божественное побуждение, которое «уступает место само по себе, подобно цветку, уступающему место плоду, непреодолимому побуждению, под воздействием которого будет непреложно и свободно произведен благой акт» [3, с. 99], в итоге ничего не делает сам. Другими словами, «ничто не исходит от него как от первопричины»: достигнув определенного этапа, соответствующего реализации христианского идеала, человек становится проводником божественной воли, неискаженной «тварностью» его собственной человеческой природы, личностный эгоизм полностью уступает место «дарам Святого Духа», непреодолимому божественному побуждению. Здесь возможны параллели с разными восточными философиями, говорящими о «недеянии», о следовании дао и т. д. Однако нас интересуют параллели с онтопсихологическими представлениями. А. Менегетти предлагает несколько секуляризованную версию той же этической парадигмы. Преодоление антагонизма между внешним и внутренним у него разрешается через освобождающее принятие импульсов бытия,

транслируемых посредством Ин-се. «Ин-се тотального бытия суть благое, будучи образцовой, финальной и действующей причиной всякого другого бытия: все индивидуальные существа людей находятся в этой универсальной совокупности» [8, с. 33]

Исходя из логики развертывания метафизики неомистов, где мера бытия соответствует мере блага, становится закономерно, что этический идеал у них будет связан с некоей полнотой бытия применительно к человеку: «человеческая душа и всякая телесная форма вообще представляет собой некоторое неполное совершенство, которое, однако, способно стать полным и испытывает в этом потребность» [4, с. 239] и «всякая мораль, таким образом, связана с тем, что наиболее экзистенциально в мире» [3, с. 34]. Находим у А. Менегетти в «Онтопсихологической философии»: «Этично лишь то, что индивид распознает как наиболее экзистенциально важное» [7, с. 83]. Возвращаясь к концепции преодолимых и непреодолимых божественных побуждений, еще раз отметим, что эти самые божественные побуждения направлены на восполнение бытия, «эти импульсы в каждом существе направлены на то, чтобы привести его к собственной полноте» [3, с. 60]. Через свободное действие или бездействие человек воспринимает или игнорирует эти импульсы и приходит к соответствующему экзистенциальному результату.

Менегетти развивает концепцию проекта (см., например, работу «Проект человек»), которая по форме хотя и может напоминать нам концепцию Сартра, но по сути она основывается на неомистской метафизической антропологии.

«Человек представляет собой историческую личность и метафизический проект, следовательно, его душа – Ин-се – является сущностной формой, определяющей модус его бытия или небытия» [9, с. 49]. Человек выступает посредником по отношению к собственному онто Ин-се с момента начала своего существования, несущим ответственность за реализацию трансцендентного проекта. Этический идеал для онтопсихологического мировоззрения – это совершенное и максимальное соответствие импульсам онто Ин-се, через реализацию которых возможна в свою очередь актуализация подлинного бытия (проекта) человека. Вероятно, здесь уместно говорить о своеобразной интерпретации феномена святости, реализуемой с помощью языка психологии.

Итак, сопоставление этических взглядов А. Менегетти и этики неомистов показало, что, во-первых, они имеют практически идентичную онтологию зла, выраженную в концепции зла как лишения бытия, во-вторых, они близки в представлении о двойственности этики, разделяя ее на внешне-социальную (относительную, носящую конвенциональный характер) и внутренне-экзистенциальную (истинную, имеющую сакральный источник), в третьих, они имеют схожее понимание этического идеала человека как личности, свободно актуализирующей импульсы собственной бытийной основы – души, имеющей сакральную и трансцендентную основу. Возможно, что в других рассуждениях

Менегетти, особенно в отношении практических сторон этических вопросов, обнаружатся и существенные расхождения с неотомистами, стоящими на более традиционных христианских позициях. Однако исследования этих различий выходят за рамки данной статьи и могут стать полем для развернутой аналитической работы.

Исследование этической составляющей онтопсихологической концепции важно для формирования целостного понимания философско-мировоззренческих оснований онтопсихологической теории, которая до сих пор не была в достаточной мере подвергнута научно-философскому анализу.

Список литературы

1. Менегетти А. Основы Философии. – М.: БФ «Онтопсихология» 2007. – 268 с.
2. Благовестный М. Б. Античные истоки онтопсихологической философии // Известия Уральского федерального университета. – № 1 (137). – Изд-во Уральского университета. – 2015. – С. 164–171.
3. Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 608 с.
4. Жильсон Э. Избранное. Том 1. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 496 с.
5. Менегетти А. Интеллект и личность. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2006. – 224 с.
6. Менегетти А. Этический критерий человека. – М.: БФ «Онтопсихология», 2008. – 209 с.
7. Менегетти А. Онтопсихологическая философия. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007. – 310 с.
8. Менегетти А. От сознания к бытию. – М.: БФ «Онтопсихология», 2010. – 412 с.
9. Менегетти А. Проект «Человек». – М.: БФ «Онтопсихология», 2010. – 384 с.

Blagovestniy M.B. Some Aspects of Meneghetti Ethics in their Relation With Neo-Thomism: the Problem of Searching for Philosophical Foundations of Ontopsychology // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2017. – Vol. 3 (69). – № 4. – P. 15–23.

The problem of determining the status of the ontopsychological doctrine of A. Meneghetti in the structure of philosophical knowledge is been risen in the article. The search for a solution to the problem is possible, particularly, through the historical and philosophical analysis of ontopsychological ethics. Paying attention to biographical facts of the creator of ontopsychology, as well as the opinions of some researchers, a hypothesis is proposed that presupposes the existence of a general theoretical and philosophical basis of the ontopsychological doctrine of A. Meneghetti and the neo-Thomist trend in philosophy in matters of ethics. The concept of evil as lack of being is considered. An almost complete coincidence of ideas about evil is revealed as a lack of being in the theories under study. The concept of "double morality" in ontopsychology, which divides the external-social and personality-existential spheres of ethics, is considered. The similarity of this concept to the ideas of J. Maritain's ethics and arguments about the laws of E. Gilson is revealed. In the notions of the ethical ideal of A. Meneghetti, analogies with neo-Thomists are also found. It is concluded that the positions of ontopsychology and neotomism are similar in relation to the ethical issues under consideration. Investigation of the ethics of ontopsychological doctrine, especially the study of its historical and philosophical roots, can be part of a wider study, designed to answer the question of the place of ontopsychology in the structure of philosophical thought.

Keywords: ontopsychology, ethics of A. Meneghetti, ethics of neo-Thomism, concept of evil, concept of "double morality".

References

1. Menegetti A. Osnovy Filosofii [The Foundation of Philosophy], Moscow, 2007, 268 p.
2. Blagovestnyj M.B. Antichnye istoki ontopsihologicheskoj filosofii [Ancient Origins of Ontopsychological Philosophy] in Izvestija Ural'skogo Federal'nogo Universiteta, №1 (137), Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2015, pp. 164–171.
3. Mariten Z. Izbrannoe: Velichie i nischeta metafiziki [Favorites: the Majesty and Poverty of Metaphysics]. Moscow, 2004, 608 p.
4. Zhil'son Je. Izbrannoe. Tom 1. Tomizm. Vvedenie v filosofiju sv. Fomy Akvinskogo [Favorites. Vol 1. Thomism. Introduction to the Philosophy of Thomas Aquinas], Moscow, SPb, «Universitetskaja kniga», 1999, 496 p.
5. Menegetti A. Intellect i lichnost [Intellect and personality], Moscow, 2006, 224 p.
6. Menegetti A. Jeticheskij kriterij cheloveka [Ethical Criterion of a Human], Moscow, BF «Ontopsihologija», 2008, 209 p.
7. Menegetti A. Ontopsihologicheskaya filosofiya [Ontopsychological Philosophy], Moscow, 2007, 310 p.
8. Menegetti A. Ot soznaniya k bytiyu [From Consciousness to Being], Moscow, 2010, 412 p.
9. Menegetti A. Proekt «Chelovek» [Project «Human»], Moscow, BF «Ontopsihologija», 2010, 384 p.